

— Тогда я провожу тебя. — Она снова обернулась и дёрнула Хо Ци за край одежды. — Двоюродный брат, пойдёшь со мной?

Хо Ци кивнул.

Они лично проводили его взглядом, пока он не сел в карету и не уехал домой.

После этого Хо Ци вместе с Цзян Вань пообедал и лично сопровождал её обратно в дом Цзян.

Поскольку у Хо Ци сегодня были военные дела, он не стал задерживаться в доме Цзян надолго.

Перед тем как сесть в карету, Цзян Вань вышла проводить Хо Ци. Тот подумал, что ей не хочется с ним расставаться, и погладил её по голове:

— Ничего страшного. Я каждый день в столице. Если соскучишься по двоюродному брату, я обязательно приду к тебе.

С самого возвращения домой Цзян Вань выглядела озабоченной, её глаза блестели, когда она смотрела на Хо Ци, и несколько раз она порывалась что-то сказать, но не решалась.

Хо Ци, видя, что она снова молчит, лишь переступил через порог кареты и уже собирался задернуть занавеску, как вдруг Цзян Вань схватила его за полу одежды. Девочка встала на цыпочки, придвинулась к Хо Ци и тихо спросила у него на ухо:

— Двоюродный брат, ты ведь... ты ведь...

Но дальше ничего не последовало. Хо Ци снова вышел из кареты, взял её за плечи и мягко уговаривал:

— Маленькая пампушечка, можешь говорить прямо. Когда двоюродный брат тебя затруднял?

Цзян Вань снова закусила губу и топнула ногой, капризно сказав:

— Говорила же, не называй меня маленькой пампушечкой.

Хо Ци ничего не оставалось, как ласково уговаривать:

— Хорошо, хорошо, виноват двоюродный брат. Тогда скажи мне, что ты увидела прошлой ночью, наблюдая за небесными светилами?

Не ожидая, что он запомнил её мимолётную шутку, Цзян Вань опустила голову, уставилась на свои носки, перебирая тесьму на одежде, и наконец произнесла ту самую фразу:

— Двоюродный брат, ты ведь любишь брата Цинъяна?

Хо Ци был потрясён, его зрачки сузились, внутри всё перевернулось от слов Цзян Вань. Казалось, что-то прояснилось, но он инстинктивно отогнал эту мысль. На поверхности он сохранял самообладание:

— Не говори ерунды, я...

Цзян Вань с негодованием смотрела на не признающего двоюродного брата, надула губы и сказала:

— Братец Ци, не отпирайся. Прошлой ночью я видела, как ты вошёл в комнату брата Цинъяна, ты трогал его лицо, ты... ты...

Цзян Вань, произнося это, сама покраснела. Она была молода, но знала, что это очень стыдное дело.

— ...ты поцеловал брата Цинъяна. Мама говорила, что такое могут делать только муж и жена.

Цзян Вань, видя, что он не отвечает, снова торопила:

— Двоюродный брат, скажи же, ты ведь тоже любишь брата Цинъяна?

Хо Ци долго молчал, но так и не смог дать ответа. Лишь наказал Цзян Вань не болтать об этом, особенно тётушке. Ло Цинъян — родственник императорской фамилии, и на нём ни в коем случае не должно быть ни пятна грязной молвы.

Получив согласие Цзян Вань, он сел в карету и бежал, словно спасаясь.

В последующие дни, вплоть до кануна Нового года, Хо Ци намеренно избегал Ло Цинъяна. На любые банкеты, где тот присутствовал, он находил различные предлоги, чтобы отказаться. Ло Цинъян лишь думал, что он очень занят делами, и совершенно не замечал его отчуждённости. Поэтому до Нового года эти двое больше не встречались.

* * *

— Двоюродный брат — подлый нападающий! — негодовала Цзян Вань.

Хо Ци прищурился:

— Откуда ты знаешь такие развратные словечки?

Цзян Вань покраснела, перебирая пальцы:

— Ну, несколько дней назад случайно нашла романы «Сокровищница цветочных наслаждений» и «Шляпа и заколка».

Хо Ци промолчал.

Свободное время пролетело быстро, и вскоре наступил канун Нового года. Хо Чанъянь велела позвать Хо Ци в дом Цзян, чтобы вместе поужинать в новогоднюю ночь. Хо Ци подумал, что если он встретится с Цзян Цзэ, атмосфера будет несколько неловкой. К тому же в его доме было много воинов, последовавших за ним из Пинляна в Юнцзин. Он, естественно, не мог бросить их. Поэтому он вежливо отказался от приглашения Хо Чанъянь и устроил в своём доме большой пир для воинов. Этот Новый год прошёл не слишком уныло.

За столом воины один за другим поднимали тосты в его честь. Обычно они боялись из-за генеральского авторитета задевать его личные дела, но сейчас, в особое время, они разговаривали без стеснения, так что Хо Ци было трудно с ними справиться.

— Ваш подчинённый задержался в столице на несколько дней и видел, что в Юнцзине красавиц — как облаков, все неопишущей красоты. Генерал, вернувшись в столицу, обязательно должен привести с собой госпожу генерала. Братья в Пинляне ждут не дождутся, как будут шуметь в брачную ночь.

Сказав это, он оглянулся на стоящих сзади братьев. Те, стоявшие позади, все ждали, чтобы позлорадствовать над генералом, и дружно поддерживали:

— Да, да, генерал, как бы искусно ты ни воевал, из воздуха пухлого сына не родишь.

Услышав это, все громко рассмеялись, и даже обычно крайне сдержанный и соблюдающий этикет старый управляющий тоже рассмеялся.

Хо Ци, видя, как они все смеются, расплёскивая вино в чашах, не мог испортить им настроение и сам довольно грубо осушил чашу крепкого вина. Указав на зачинщика Чжан Юна, он сказал:

— Я не тороплюсь. А вот ты, Чжан Юн, и твой старший брат — год назад ваша престарелая мать приходила ко мне в лагерь, просила присмотреть для вас двоих хороших девушек. Она мечтает о внуках. В Юнцзине красавиц много, вы оба пробыли в столице почти три месяца. Каковы сейчас успехи?

Он перевёл разговор, и все не знали, что была такая история. Услышав, они снова стали хватать Чжан Юна за ворот и спрашивать:

— Да Юн, генерал спрашивает о твоих успехах. Неужто не расскажешь братьям?

Все говорили наперебой, и грубое смуглое лицо Чжан Юна покраснело от их слов. Только сейчас луна была туманной, да и свет красных фонарей мешал разглядеть. Он оттолкнул окружающих, дразнивших его, и, не отвечая прямо, лишь сказал:

— Без грубостей! Я, Чжан Даюн, ваш старший брат.

Услышав это, окружающие снова рассмеялись, указывая на Чжан Синя:

— Неужели ты и для Чжан Синя старший брат? Сегодня утром я ещё слышал, как ты зовёшь его братом. У вас в семье отношения, и правда, запутанные.

— Хватит вам болтать ерунду. — Чжан Юн в одиночку не мог переспорить всех и лишь кричал от злости.

Все громко смеялись. Чжан Синь, дважды попавший под перекрёстный огонь, беспомощно покачал головой, встал с незаметного места за столом и, метко указав на суть, сказал всем:

— Не попадайтесь все на удочку генерала. У меня в семье есть ещё третий брат, так что, даже если я не женюсь, мать не осудит. Но генерал — единственный сын в семье, задача продолжения рода для него куда важнее, чем для нас. Думаю, нам всем стоит бить в барабаны и трубить в рога для генерала, чтобы он проявил такую же доблесть, как при рубке врагов-хунну, и в этом деле тоже поднажал.

Все снова рассмеялись, и на этот раз огонь войны перекинулся на Хо Ци. Ему ничего не оставалось, как беспомощно улыбнуться и позволить им продолжать.

В эту ночь в Доме Хо горели фонари, на пиру звенели чаши, смех и веселье не умолкали до полуночи, когда шумная толпа наконец разошлась.

Вернувшись вечером в комнату, Хо Ци, что было редкостью, оказался на семь десятых пьян.

Он был горячим мужчиной, и с тех пор как вернулся в столицу, прошло много дней без удовлетворения желаний. Плюс выпивка, да ещё на столе было множество блюд,

возбуждающих мужскую силу. Поэтому сейчас, без доспехов, внизу у него явно выпирало. Хотя была лишь полуэрекция, размер и форма уже были весьма внушительными. Если бы это увидели изнеженные столичные аристократы, они бы, наверное, лишь вздохнули, покачали головами и почувствовали бы себя неполноценными.

Управляющий также заметил его необычное состояние. Сегодня вечером он отпустил всех слуг по домам праздновать с семьями, поэтому мог ухаживать за Хо Ци только сам.

После того как Хо Ци умылся, управляющий вошёл, чтобы унести таз с водой. Глядя на лежащего на спине Хо Ци, он спросил:

— Эта старая слуга видит, что сегодня ночью ветер пронизывающий, и, должно быть, в парчовых одеялах холодно. Не нужно ли генералу в постель человека, чтобы согреть её?

Прошло некоторое время, но изнутри не последовало ответа. Старый управляющий уже подумал, что переступил границы, и поспешил удалиться, как вдруг Хо Ци заговорил. Только голос его был хриплым, словно от неудовлетворённого желания, которое он сейчас с трудом сдерживал.

— Не нужно. Сегодня ты тоже устал, иди отдыхать.

Управляющий, естественно, удалился.

Хо Ци лежал на кровати, прикрыв глаза рукой, но под ладонью глаза были широко раскрыты. В такую двусмысленную ночь, в такие глубокие тихие часы, Хо Ци вспоминал не Гу Хуайин, которую когда-то всем сердцем хотел защищать, и даже не женщин, а Ло Цинъяна.

Каждое движение, каждое выражение лица юноши становилось отчётливым под покровом ночи. Хо Ци, думая о его алых губах, обнимаемой одной рукой талии, густых тёмных волосах, невольно медленно опустил руку вниз.

В процессе его сердце было в смятении. Он пытался представить себе пышное женское тело, но как только в воображении возникали образы женщин с пышной грудью и бёдрами, возбуждённый член в его руке внезапно начинал сникать. Дело уже было начато, словно стрела на тетиве, которую нельзя не выпустить. Хо Ци ничего не оставалось, как снова в деталях воссоздать в мыслях облик Ло Цинъяна. Примерно через полчаса наконец раздался его низкий стон.

Авторское примечание: Не могу больше, простудился, пролежал весь день в постели, покрывался холодным потом. Сегодня много, если завтра не смогу обновить, то... что ж, это будет компенсация.

<http://bllate.org/book/15614/1394051>